

Анна Лерн



Тимьян  
серебристый

Лавка пряностей и тайн

Анна Лерн

**Тимьян серебристый.  
Лавка пряностей и тайн**

«Автор»

2026

## Лерн А.

Тимьян серебристый. Лавка пряностей и тайн / А. Лерн —  
«Автор», 2026

Для Вероники Бузиной путешествие в прошлое началось с того, что она открыла глаза на холодном столе в церковной мертвецкой — как раз в тот момент, когда доктор занёс над ней скальпель. Теперь она — юная мисс Элайза Стерлинг, которая не пасует перед трудностями, особенно если под рукой есть чашечка приличного чая и верная собака Пипа. Городок кажется живописным: камин, уютные чаепития и вежливые соседи. Но у каждого есть неприглядные тайны. И Элайза умело извлекает их на свет Божий. А ещё ей предстоит разобраться с собственным сердцем, выбивающем чечётку при виде одного невыносимого джентльмена, который будто создан для того, чтобы спутывать все планы и сбивать с толку. Похороны отменяются, господа! Пришло время пряностей, любви и большого расследования! Х.Э.

© Лерн А., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1                           | 5  |
| Глава 2                           | 8  |
| Глава 3                           | 11 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 14 |

# Анна Лерн

## Тимьян серебристый. Лавка пряностей и тайн

### Глава 1

Октябрь 1880 года выдался в Сноушилле на редкость промозглым. За окнами спальни в серых сумерках беспрестанно шуршал мелкий противный дождик, превращая мостовые в зеркало, отражающее огни редких газовых фонарей. Ветер завывал в каминной трубе, заставляя пламя в очаге то вытягиваться вверх, то опадать искрами на потрескивающие поленья.

Сайлас Стерлинг лежал на высоких подушках, и его лихорадочно блестящие глаза то и дело обращались к дверям.

- Отец Беннет... - прохрипел он, вцепившись в край одеяла. - Поезд из Лондона уже должен был прийти. Она здесь? Элайза здесь?

Священник, сидевший у изголовья с молитвенником в руках, печально покачал головой.

- Терпение, Сайлас. Молись, и Господь укрепит твой дух до её приезда.

А у камина, небрежно прислонившись к мраморной полке, стоял Джулиан Торн - сын покойной жены Сайласа от первого брака. Он выглядел безупречно в своем сюртуке из тонкого сукна и начищенных дорогих ботинках.

- Хватит, сэр, - язвительно бросил Джулиан, не глядя на умирающего. - К чему эта сентиментальность? Зачем вам здесь Элайза? Бедная сиротка, которая последние пять лет только и делала, что разучивала гаммы с чужими детьми в лондонских классах. Она гувернантка и не отличит горчичное зерно от кориандра...

Сайлас внезапно приподнялся и закашлялся. Когда приступ закончился, он зло произнёс:

- Ты... мерзавец, Джулиан... Думаешь, я не вижу, что ты хочешь денег? Ты ненавидишь запах специй, ненавидишь эту лавку. Тебе не терпится пустить всё с молотка, чтобы просадить наследство в столичных клубах и оплатить свои долги за карточным столом! Но в Элайзе течёт кровь Стерлингов! Она единственная, кто не даст делу моей жизни превратиться в пыль!

Джулиан лишь холодно улыбнулся, глядя на огонь в камине.

В этот момент в дверь осторожно постучали. В комнату вошла горничная и что-то быстро зашептала ему на ухо. Лицо молодого человека вытянулось. А потом на нём промелькнуло выражение внезапного торжества. Джулиан медленно повернулся к кровати.

- Какая ирония, сэр... Элайзу нашли в соседнем проулке. Труп даже ещё не остыл.

Сайлас Стерлинг схватился за сердце.

- Господь... не допустит... Не допустит! - прохрипел он, валясь обратно на подушки. Глаза его начали закатываться, но сознание ещё цеплялось за реальность. - Вернись... Богом молю... Не дай... не дай им...

Последний вздох Сайласа превратился в долгий жуткий хрип... Через минуту он умер.

\* \* \*

Небо над холмами Котсуолда к вечеру стало тяжёлым. Казалось, оно вот-вот лопнет под тяжестью надвигающегося дождя, запах которого уже витал в воздухе. Я шла по узкой улочке, любуясь прижавшимися друг к другу домиками, покрытыми седыми пятнами лишайника. По стенам, цепляясь за водостоки и деревянные оконные рамы, висла плющ, глянцевые листья которого поблёскивали под мигающим светом начинающих включаться фонарей.

Я посмотрела на Пиперинку, замершую в сумке. Она мне напоминала розовую горгулью в твидовом пальто. Китайская хохлатая, с характером высокомерной оперной дивы и душой

инквизитора, сегодня была подозрительно тихой. Обычно Пипа оглашала окрестности требовательным твяканьем, но сейчас она лишь мелко дрожала, вглядываясь в пустоту выпученными глазками. Кстати, назвала я свою питомицу в честь пеперина - вытяжки из чёрного перца - именно из-за этих влажно блестящих бусинок глаз.

Я вздохнула, крепче прижимая к себе сумку. Шеф в прямом смысле выставил меня за дверь лаборатории, пригрозив заблокировать пропуск, если я не отгуляю этот месяц. Вопрос «куда поехать» для меня не стоял. Только Котсуолд. Я обожала этот край за красивые пейзажи и спокойную атмосферу. Казалось, если прижаться щекой к прогретой солнцем стене в Сноу-шилле, можно было почувствовать призрачный шлейф эля, который варили в соседнем пабе триста лет назад.

В общем, начальник был прав. Работа стала моим единственным убежищем. Дома меня ждали только Пипа, коллекция редких специй и оглушительная тишина пустой квартиры. Память услужливо подкинула картинку из прошлого: залитые солнцем коридоры «Технолога» (Московского государственного университета пищевых производств). В то время как другие девчонки с моего потока бегали на свидания и обсуждали парфюм из «Л'Этуала», я засиживалась до темноты в лаборатории. Для меня не было запаха прекраснее, чем смесь реактивов. Я обожала ту пору. Учёба была для меня не зубрежкой, а погружением в тайный мир знаний. Плюс, от природы я обладала отличным нюхом и могла по одному запаху отличить натуральный цейлонский коричник от дешёвой кассии ещё на первом курсе.

А вот внешность была моим проклятием. Маленькая, едва метр пятьдесят, рыжая и вечно взлохмаченная, я выглядела как недоразумение. Огромные очки в роговой оправе постоянно сползали на кончик носа, а копна непослушных волос, казалось, жила своей жизнью, игнорируя любые заколки. На кафедре меня долго не воспринимали всерьёз. «Солнечный зайчик» - так в шутку называл меня декан, пока я не представила свою первую курсовую, в которой пошагово доказала, что «элитное чилийское вино» из местного магазина - это просто банальный суррогат: спирт, вода, сахар и ароматизатор «ягодный микс». Мошенники пытались замаскировать дешевизну, но вместо сложного букета создали сладкую плоскую смесь, которая на языке оставляла неприятное вяжущее послевкусие.

Мои веснушки, рассыпанные по всему лицу, словно капли молотой корицы, сбивали людей с толку. Я ткнула пальцем в переносицу, пытаясь поправить очки, хотя у меня были линзы. Старая привычка с тех времён, когда приходилось буквально выгрызать право на уважение, доказывая, что рыжая девчонка с видом потерявшегося подростка - профессионал. Сейчас мне, Веронике Олеговне Бузиной, уже исполнилось тридцать шесть, но, судя по отражению в зеркале, время решило на мне сэкономить. Я всё так же была похожа на студентку-первокурсницу, которая случайно забрела во взрослую жизнь и после второго высшего получила статус ведущего эксперта в Главном управлении пищевых исследований и контроля безопасности...

Из воспоминаний меня выдернуло тихое рычание Пипы. Она напряжённо вытянулась в сумке, тонкая кожа на переносице собралась в суровые складки, а из-под верхней губы победно выставились два кривых зуба-клыка, торчащих в разные стороны. Пиперинка смотрела перед собой так, будто перед ней был соседский кот, укравший её любимый паштет.

- Пипа, ну ты чего? - шепнула я, но тут же сама замерла, глядя, как из подворотни начал выползать туман, перекатываясь по брусчатке густыми молочными волнами. У подножия домов он закручивался в причудливые воронки, поднимался вверх, поглощая побеги плюща, карнизы и кованые решётки... Городок на глазах превращался в призрачное зазеркалье.

Но внезапно туман вдруг втянулся в подворотню и щели между камнями, словно кто-то невидимый открыл гигантскую вытяжку. И в ту же секунду начался дождь. Пипа грозно гавкнула и стремительно дезертировала, нырнув вглубь сумки.

Я огляделась, пытаясь найти хоть какое-то укрытие, и замерла. Прямо передо мной, там, где только что клубилось серое марево, выросла дверь. Она была вызывающе, почти непри-

лично алой на фоне серых мокрых стен. На уровне моих глаз покачивалась кованая табличка. Изысканные золотые буквы, выведенные витиеватым шрифтом, гласили:

«SILVER THYME»

(ТИМЬЯН СЕРЕБРИСТЫЙ)

Чуть ниже виднелась приписка:

«Часы работы: с 9:00 до 21:00».

Я недоумённо моргнула. Странно. Раньше здесь была глухая каменная кладка...

Дождь усилился, стекая за шиворот холодными ручьями. Выбора не оставалось. Я протянула руку к латунной ручке, и та легко повернулась. Дверь подалась без единого скрипа. Как только я переступила порог, в нос сразу ударила волна ароматов. Сандал, гвоздика, тёплый обволакивающий кумин и едва уловимая цитрусовая искра кардамона.

Я стояла в длинном узком зале с низким потолком, который подпирали почти чёрные от времени дубовые балки. Здесь царил мягкий янтарный полумрак. Свет давали лишь несколько старомодных ламп с тканевыми абажурами. У стен стояли стеллажи, на которых теснились пузатые банки, фарфоровые туески, крошечные серебряные коробочки и деревянные шкапулки... Чуть поодаль вытянулся прилавок из тёмного дерева. На нём возвышались весы с изящными чашами и ряд ступок с пестиками.

- Есть здесь кто-нибудь? – громко позвала я, оглядываясь.

Пипа снова зарычала, высунув нос из сумки.

И тут из-под половиц, из щелей между полками снова начал сочиться туман. Тот самый, который только что преследовал нас на улице. Он не рассеивался, а клубился кольцами, быстро заполняя зал.

Я рванулась назад, к двери с золотыми буквами, вцепилась в ручку и дёрнула на себя. Заперто. Я рванула ещё раз, но дверь словно приросла к стене. Туман уже поднялся выше груди. Он был ледяным, обжигающим кожу даже сквозь джинсы. В глазах потемнело. Последнее, что я запомнила - это жуткий задыхающийся хрип, который донёсся откуда-то сверху, из пустоты: «Вернись... Богом молю... Не дай... не дай им...».

Колени подкосились. И я словно погрузилась в серую вату, чувствуя, что тело становится лёгким, как пушинка...

## Глава 2

Мозг в моей черепной коробке превратился желе, каждый удар пульса отдавался в затылке тупой болью, а к горлу подступала тошнота. Я принялась. Несло какой-то дикой смесью хлорной извести, дешёвого табака и прогорклого жира. Это ещё что такое?

Я открыла один глаз. Прямо перед моим носом чья-то рука в грязной кожаной перчатке держала стальной скальпель.

- Констебль, - раздался над ухом сухой голос. - Удар нанесён тупым предметом, явно с намерением лишить жизни... При таком повреждении теменной кости смерть наступает мгновенно. Тело даже не успевает осознать переход в мир иной...

- Да... бедняжка... - отозвался второй голос, помоложе. – Давненько в наших местах не случилось подобного... Да, мистер Гримшоу?

Я попыталась вдохнуть, а потом открыла второй глаз. Владелец руки - пожилой мужчина с козлиной бородкой - стоял в профиль, глядя куда-то в сторону. Нашупав в себе остатки сил, я со всей дури хлопнула по руке со скальпелем и резко села. Послышался звон упавшего инструмента. В ту же секунду перед глазами взорвались тысячи салютов. Голова готова была расколоться на две части, а желудок вывернуть всё содержимое.

Я сидела на холодном каменном возвышении. Узкое окно под самым потолком пропускало серый свет пасмурного дня, а стены поросли плесенью. Глаза мужчины за стёклами очков стали размером с чайные блюдца. Рядом с ним стоял молодой человек в какой-то нелепой форме и каске, вцепившись в свой ремень. Мой взгляд медленно опустился вниз.

- Где мои вещи?

Я была абсолютно голая, если не считать куска грубого, дурно пахнущего холста, который едва прикрывал мои прелести.

- Господь Вседержитель... - прошептал мужчина с бородкой. - Лазарь... Это же истинный Лазарь в женском облики! Констебль, вы это видите?! Осквернение законов естества! Клянусь своей лицензией, у неё не было пульса!

Но констебль не ответил, потому что медленно сползал по стенке. Его каска съехала вниз, закрывая один глаз, но второй продолжал в ужасе пялиться на меня.

Несмотря на адскую головную боль, я осмотрелась ещё внимательнее. Помещение напоминало декорации к очень бюджетному фильму ужасов: стены из грубого камня, в углу стоит шаткий столик, на котором в деревянном ящике с потемневшей бархатной подкладкой лежат инструменты. Медицинские?

Мама дорогая, что это за антиквариат? Скальпели с костяными ручками, какие-то крюки и зазубренные пилы... Почему они лежат в открытом виде, без намёка на стерилизацию?

Я снова посмотрела на мужчин. Одеты они были, мягко говоря, странно. Один в кожаном фартуке поверх шерстяного сюртука, другой - в смешном старомодном кителе... Взгляд скользнул по стене напротив. Там на ржавом гвозде висел календарь. Картинка с каким-то пасторальным пейзажем, а под ней крупными жирными буквами:

OCTOBER 14, 1880

- Невероятно... Невозможно! Медицинский прецедент! Клянусь Юпитером, я сам не слышал ни единого удара сердца! Биологический парадокс! – выдохнул мистер Гримшоу, дрожащими руками развязывая тесёмки фартука. Он швырнул его в угол, а затем стянул сюртук и накинул мне на плечи. Потом доктор взял меня за запястье, прощупывая пульс.

- Как вы себя чувствуете, мисс Стерлинг? У вас ничего не болит? Вы помните, что произошло в проулке у лавки вашего дядюшки?

Я бросила на него быстрый взгляд. Что несёт этот человек? Какая еще мисс Стерлинг? Я судорожно попыталась восстановить хронологию событий. Последнее, что запечатлела память - алое пятно двери, туман и рычание Пиперины. Пипа!

- Где моя собака?! – взволнованно воскликнула я и схватилась за голову. – Ой...

- Ваше... э-э-э... животное забрала горничная дядюшки, - ответил констебль, поднимаясь с пола. - Какое ужасное создание...

Я окинула его таким взглядом, что он побледнел. Ужасное создание? Пипа – чистокровная китайская хохлатая! Я хотела было высказать всё, что думаю, но вовремя прикусила язык.

Тем временем доктор Гримшоу дёрнул за толстый шнур. Где-то приглушённо зазвенел колокольчик. Через минуту дверь приоткрылась, и в комнату заглянул мальчишка. На вид ему было лет десять. Огромная фуражка делала его похожим на грибок.

- Вилли! Лети пулей в дом к мистеру Стерлингу! Передай чудесную новость: мисс Элайза жива!

Мальчишка перевёл взгляд на меня. Увидев «оживший труп», Вилли открыл рот и вытаращил глаза, обрамлённые светлыми ресницами.

- Беги! - рявкнул Гримшоу. Тот подскочил на месте и исчез за дверью.

Доктор помог мне спуститься с «пьедестала» и усадил на стул.

- Вот так, мисс Элайза... Сейчас за вами придут. Ваши родственники наверняка уже распорядились насчёт экипажа.

Родственники? Экипаж?

- А я тем временем пошлю за своим коллегой, доктором Фэррол, - продолжал Гримшоу. - Он превосходный клиницист и осмотрит вас в более подходящих, э-э... комфортных условиях. Мертвецкая — не лучшее место для молодых леди.

Он заложил руки за спину и уставился на меня прищуренным взглядом.

- Невероятно! Это либо божественное провидение, либо ваша конституция обладает поразительной выносливостью...

«Я бы не была в этом так уверена», - мрачно подумала я, стараясь не делать резких движений. Голова болела так, будто на ней кто-то прыгал, а в горле было настолько сухо, что язык казался куском наждачной бумаги.

Я хотела попросить воды, но тут же передумала. Мало ли... может, в этой сырой конуре, кишасей плесенью, стаканы моют в той же лохани, где споласкивают инструменты из деревянного ящика.

«Терпи, Вероника, - приказала я себе. – Главное покинуть это место и понять, где нахожусь.»

Время в этой холодном каменном мешке тянулось медленно. Доктор Гримшоу продолжал изумлённо бормотать себе под нос, констебль бросал на меня настороженные взгляды. А я куталась в сюртук, пытаюсь согреться.

Прошло примерно полчаса, когда в коридоре раздались быстрые шаги. Дверь открылась, и в мертвецкую вошёл мужчина лет тридцати. Высокий, статный, картинно красивый. Светлые волосы тщательно уложены. Сюртук из тонкого сукна и шёлковый шейный платок, заколотый булавкой с жемчужиной. Но во внешности незнакомца было что-то «скользкое»...

Он остановился напротив. Холодные голубые глаза пробежались по мне.

- Какая неожиданность, Элайза... - протянул мужчина. - Признаться, мы уже готовились к двойным похоронам. Какая досадная... то есть, я хотел сказать, невероятная и счастливая перемена планов...

- Джулиан, это истинное чудо! – прервал его Гримшоу, потирая руки. - Медицинская наука сегодня получила пощёчину от самого провидения!

Мужчина по имени Джулиан даже не повернулся к доктору. Он продолжал сверлить меня взглядом.

- Чудеса - это по части приходского священника, - холодно отрезал красавчик. - Элайза, полагаю, ты в состоянии дойти до экипажа?

Он подал мне руку. Я с трудом поднялась, и мы двинулись к выходу.

## Глава 3

Тяжёлая дубовая дверь мертвецкой скрипнула, и мы вышли на крыльцо. После удушливого, пропитанного запахом сырости и хлорки помещения, осенний воздух ударил в лицо... Я замерла, вцепившись в лацканы чужого сюртука, и судорожно вдохнула. Потому что понятия не имела, где нахожусь. Передо мной расстился церковный двор, зажатый между мрачными стенами храма и покосившимися надгробиями. Шпиль церкви уходил прямо в низкое, цвета грязной овсянки, небо.

Мы двинулись вперёд по узкой, петляющей между могилами тропинке. Под ногами чавкала жирная смесь из размокшей глины и прелых листьев. Выданные мне старомодные ботинки были неудобными, и каждое движение давалось с трудом. Я искоса поглядывала на Джулиана, пытаюсь разгадать, что это за человек. Высокомерие сквозило в каждом его жесте. Когда мы, наконец, вышли за церковную ограду к мостовой, я непроизвольно остановилась. У меня перехватило дыхание. Передо мной, поводя ушами и выпуская пар из ноздрей, стояла пара вороных коней, запряжённых в... настоящую карету. Черный лакированный корпус экипажа поблёскивал в тусклом свете газовых фонарей, которые уже начали зажигать в тумане. Огромные колеса были сплошь залеплены рыжей грязью, а на запятках неподвижно, словно статуя, застыл лакей. Никакого асфальта, никаких неоновых вывесок - только серый камень домов, низкие заборы и запах дыма из печных труб.

Джулиан остановился у дверцы экипажа и обернулся ко мне. В его холодном взгляде читалось нетерпение.

- Ну же, Элайза. Ты смотришь на карету так, будто ждёшь, что она превратится в тыкву. Садись. Нам стоит поторопиться.

Он не подал мне руки - просто стоял и ждал, когда я сама справлюсь. Забравшись внутрь кареты, я опустилась на сиденье, и меня начало колотить. Холод, пропитавший насквозь мои кости в ледяной мертвецкой, смешался со страхом. Происходящее становилось всё удивительнее и... реальнее. В фильмах про попаданцев всё всегда кажется весёлым приключением, но здесь не было спецэффектов. На сон это не походило. Сны не бывают такими детальными, в них не чувствуешь, как немеют пальцы на ногах...

Джулиан устроился на сиденье напротив, ни на секунду не теряя своей высокомерной невозмутимости. Карета резко дёрнулась, заставив меня качнуться вперед, и с грохотом покатилась по мостовой. Я тут же отвернулась к окну, жадно вглядываясь в осенние сумерки. Но, даже глядя на эти чужие, пугающие улицы, каждой клеточкой кожи чувствовала пристальный взгляд своего спутника. Он смотрел на меня в упор, не мигая и не пытаясь сгладить неловкость момента. Этот взгляд был тяжёлым, как могильная плита, которой я так удачно избежала.

Когда Джулиан заговорил, я вздрогнула.

- На что ты надеялась, Элайза, направляясь сюда? Что вот так просто получишь лавку? Только потому, что есть завещание?

Я молчала. В голове роились мысли: какая лавка? Какое завещание? Но выдавать себя было нельзя.

- Не думай, что твоё «чудесное возвращение» что-то поменяет в моих планах, - продолжал мужчина. - Если ты рассчитываешь, что я отступлю, то ты ещё глупее, чем я помню. Я подам иск в Суд по делам о наследстве, об оспаривании завещания. Я заявлю о твоей болезни или недееспособности. После того, что произошло... Женщину очень легко признать не в себе. Один визит к врачу, одна подпись - и ты окажешься не хозяйкой лавки, а постоялицей в лечебнице для умалишённых. О лавке же позабочусь я, как и положено мужчине в нашей семье. Так что советую тебе хорошенько подумать, стоит ли эта игра свеч.

Я слушала его, А в голове пульсировала только одна мысль: «Господи, куда я попала? Кто этот человек и что ему от меня нужно?».

Если верить глазам и ушам, меня каким-то невообразимым образом занесло в прошлое. И не просто в прошлое, а в самую гущу чьих-то опасных игр. «Лавка... наследница...» - слова Джулиана складывались в чёткую, хоть и пугающую картину. Значит, эта Элайза должна была что-то получить, а «заботливый» родственник очень хочет прибрать всё к рукам.

«Так, Вероника, дыши. Не паниковать. Для начала нужно просто осмотреться, и не дать себя убить во второй раз», - уговаривала я себя, стараясь унять дрожь.

Вдруг Джулиан резко подался вперёд. И я увидела, как в его светлых глазах, вспыхнула откровенная жестокость.

- Послушай меня внимательно, Элайза. Если из твоего рта вылетит, хоть одно лишнее слово... хоть один намек на твои права или претензии - ты очень быстро пожалеешь, что вообще очнулась на том столе. Я умею быть убедительным, и поверь, методы усмирения строптивых девиц в наше время весьма... эффективны. Но если ты будешь хорошей девочкой и станешь делать только то, что скажу... я тебя не обижу. Возможно, я даже позволю тебе жить в относительном комфорте. Ты меня поняла?

Я почувствовала, как к горлу подкатывает ком. Голова взорвалась новой вспышкой боли - настоящей, невыносимой, усиленной страхом и запахом гари, просочившимся в карету.

- У меня очень болит голова... Мне... очень плохо...

В этот момент карета, качнувшись на рессорах, остановилась. Джулиан рывком распахнул дверцу и, выглянув в сырую мглу, крикнул:

- Джон, иди сюда! Живее! Помоги мне!

Я закрыла глаза и позволила телу обмякнуть, медленно сползая с сиденья. Притвориться без сознания оказалось проще простого - я и так едва держалась на краю реальности.

Через мгновение холодный осенний воздух ворвался в салон, а затем чьи-то руки подхватили меня, вынося из тесного пространства кареты. Я ощущала колючую шерсть чьей-то одежды, слышала дыхание и быстрые шаги по мокрой мостовой.

Сырая мгла вскоре сменилась обволакивающим теплом. Лёгкий аромат специй зашекотал ноздри. Корица, гвоздика, горький имбирь и ещё множество ноток сплетались в один уютный шлейф. Меня понесли по скрипучей лестнице и наконец, опустили на что-то мягкое. Похоже, это перина... Я почти утонула в ней, почувствовав щекой прохладу накрахмаленной наволочки.

А потом послышались тихие шаги, шелест платья и взволнованный женский голос:

- Дорогой, как такое вообще возможно? Как Элайза обманула смерть? И что теперь будет?

- Я и сам не могу этого понять, дорогая, - ответил Джулиан. - Скоро придёт врач, и мы узнаем, что именно не дало моей любимой кухне отправиться на тот свет.

- Милый, я не хочу уезжать отсюда... - женщина всхлинула. - Мы так долго этого ждали! Почему всё должно достаться ей? Это несправедливо!

- Мы никуда не уедем. Не переживай. Лидия. Лавка будет нашей. Я тебе обещаю.

Я лежала неподвижно, стараясь, чтобы даже веки не дрожали, хотя сердце после слов Джулиана пустилось вскачь. Но следующий возглас этой Лидии с неприятным голосом, заставил меня едва не выдать себя.

- И это проклятое существо! Настоящий адский монстр! Джулиан, это просто невыносимо! Лакеи пытались достать его из-под того комода в гостиной, но оно бросается как одержимое! Тварь лысая, у неё когти как у гарпии и этот дикий хохолок на макушке! И кусается до кости!

Пипа! Моя маленькая, отважная Пипа! Внутри меня всё затрепетало от нежности. Моя девочка здесь, она жива и, судя по всему, задаёт жару этим викторианским снобам.

- Успокойся, Лидия, - брезгливо отозвался Джулиан. - Я не намерен терпеть этот лай и покусанные щиколотки. Завтра же я вызову отловщиков собак. Пусть забирают эту ошибку природы и делают с ней всё, что им заблагорассудится. Живодерня - самое подходящее место для подобных девиаций.

«Ах ты, гад...» - мысленно прорычала я, едва сдерживаясь, чтобы не вцепиться ему в лицо прямо сейчас. - «Отловщиков? Живодерню? Ну, уж нет, дорогой кузен. Ты еще не знаешь, на что способна женщина из двадцать первого века, когда обижают её собаку. Моя Пипа будет спать на твоих лучших шёлковых простынях!».

В этот момент где-то внизу, раздался звон разбитой посуды и яростный, звонкий лай.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.